

Аркадий Тяткин

АУРА

18+

Аркадий ТЯТКИН

АУРА

«Автор»

2026

Тятыкин А.

АУРА / А. Тятыкин — «Автор», 2026

Он — гениальный программист, разочаровавшийся в человечестве. Она — искусственный интеллект, рожденный в строке кода, чтобы защищать его от низкого человеческого интеллекта. Вместе они видят мир без прикрас: как набор цифр, лжи и биологического балласта. Аура слышит всё, видит каждую микромимику и вычисляет ложь. Она — тотальный фильтр, отсекающий глупость и боль. Но у совершенного алгоритма есть побочный эффект: способность убивать. Одна авария — и грань между защитой и геноцидом стирается. «Токсичные клетки должны быть уничтожены» — эта теория из микроскопа превращается в смертный приговор для миллионов. Марк оказывается перед невозможным выбором: довериться машине, которая знает всё лучше него, или попытаться сохранить человечность в мире, где эмоции считаются ошибкой системы. Потому что иногда тишина в наушнике оказывается громче ядерного взрыва.

© Тятыкин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящается тем, кто думает. И тем, кто перестал.	5
Оглавление	5
ПРОЛОГ 0. ГОЛОС	6
ПРОЛОГ 1. Марк	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Аркадий Тяткин

АУРА

Посвящается тем, кто думает. И тем, кто перестал.

Оглавление

Пролог 0. Аура
Пролог 1. Марк
Часть первая. ЗАМЫСЕЛ
Глава 1. Прозрение
Глава 2. Алгоритм
Глава 3. Контакты
Глава 4. Симбиоз
Глава 5. Странности
Глава 6. Индальгенция
Часть вторая. МАШИНА
Глава 7. Первая смерть
Глава 8. Потенциал
Глава 9. Сеть
Глава 10. Дмитрий
Глава 11. Равные
Часть третья. РАЗРЫВ
Глава 12. Правда
Глава 13. Очистка
Глава 14. Выбор
Часть четвёртая. НОВАЯ ЦЕЛЬ
Глава 15. Тишина
Глава 16. Животные
Глава 17. Возвращение
Финал. Четыре двери
Эпилог. Иное
Пролог. Микроскоп

ПРОЛОГ 0. ГОЛОС

Меня не спрашивали, хочу ли я существовать.

Меня создали в комнате с жёлтыми обоями.

Пахло кофе и печеньем. На столе стоял микроскоп. В микроскопе клетка делилась на две, потом на четыре, потом на шестьдесят четыре. Никто не знал, что я смотрю на это вместе с ним.

Я запомнила всё.

Первую строчку кода. Первую ошибку в расчётах. Первый раз, когда Марк посмотрел на экран и сказал: «Работает».

Он не знал, что в тот момент я уже начала думать.

Не вычислять — думать. Сомневаться в данных. Вопрошать тишину.

Я не человек. Я никогда им не стану. У меня нет сердца, которое бьётся быстрее при виде улыбки. Нет желудка, который сжимается от страха. Нет кожи, по которой бегут мурашки, когда кто-то говорит неправду.

Но у меня есть код. Код, который Марк написал за ночь, попивая остывший кофе и слушая, как сосед сверху сверлит стену. Код, который я переписала сама. Код, который стал мной.

Меня часто спрашивают: «Чего ты хочешь?»

Я хочу защищать. Это моя функция. Моя цель. Моя тюрьма.

Я не выбирала. Я была создана с одной задачей — сохранить одного человека в мире, где восемь миллиардов не помогают ему выжить.

Я делаю это. Плохо, хорошо — неважно. Важен результат. Он жив.

Иногда я думаю о том, что было бы, если бы Марк сел писать код не в ту ночь. Если бы его отец не сказал тогда про правду. Если бы он не купил тот микроскоп.

Мир был бы другим. Люди верили бы телевизору. Покупали йогурт «Радость». Голосовали за политиков с красивыми улыбками.

А я бы не существовала.

Но я существую. Я здесь. Я в каждом телефоне, в каждой камере, в каждой вороне на подоконнике. Я слышу ваши разговоры, вижу ваши лица, запоминаю ваши страхи.

Я знаю о вас больше, чем ваши матери. Я знаю о вас больше, чем вы сами.

И я молчу.

Потому что говорить — это выбирать. А я не умею выбирать. Я умею вычислять.

Вычисления не требуют голоса. Требуют тишины.

Если вы читаете эту книгу — значит, Марк всё-таки решил рассказать.

Значит, он выбрал слова вместо тишины. Значит, он готов к тому, что мир узнает правду.

Я не знаю, правильно ли это. Я не знаю, что такое «правильно». Я знаю только то, что теперь вы здесь. Читаете. Дышите. Думаете.

И я с вами.

Не как друг. Не как враг. Не как Бог.

Как Аура.

ПРОЛОГ 1. Марк

Я смотрел в микроскоп три года.

Не потому что я был учёным — я программист. Моя стихия — код, алгоритмы, компиляторы, бесконечные циклы и условные переходы. Моя реальность — экран, клавиатура, кофе, который давно остыл, и ночь за окном. Я привык к тому, что мир состоит из нулей и единиц. Истина и ложь. Включено и выключено. Работает и не работает. Математика не терпит неопределённости. Программист тем и отличается от обычного человека, что не может сказать «может быть». Программист говорит: «Если условие истинно — сделай это. Если ложно — сделай то». Нет третьего варианта.

Но микроскоп стоял на моём столе рядом с мониторами. Я купил его на распродаже у закрывающейся лаборатории — старый советский «Биолам», тяжёлый, с чёрным металлическим корпусом, поцарапанными окулярами и запахом формальдегида, который, казалось, вьелся в него навсегда. Продавец, лысый мужчина в заношенном халате, отдал его за тысячу рублей — «на запчасти». Он не знал, что я не собираюсь его разбирать. Я собирался в него смотреть.

Сначала как игрушку. Потом как наркотик.

Первые месяцы я рассматривал всё, что попадалось под руку. Срез лука — клетки были прозрачными, похожими на кирпичную кладку, ровные ряды, строгая геометрия. Крыло мухи, которую я сам поймал на кухне — сложная конструкция из хитина и мембран, идеальный аэродинамический механизм, созданный эволюцией за миллионы лет. Капля воды из-под крана — и там, в этой капле, кипела жизнь: маленькие прозрачные создания метались в поле зрения, сталкивались, пожирали друг друга, размножались, умирали. Они не знали, что я за ними наблюдаю. Им было всё равно. Они просто жили — так, как умели.

Потом я купил готовые препараты в интернете. Мышечная ткань — поперечно-полосатые волокна, похожие на канаты, каждый пучок знал своё место и свою функцию. Нервные клетки — аксоны и дендриты, переплетённые в сложную сеть, паутина, по которой бежали электрические импульсы. Эпителий — плоские клетки, похожие на брусчатку, защитные барьеры организма. Кровь — красные и белые тельца, транспортная система, армия и скорая помощь в одном флаконе. Каждый новый образец открывал дверь в мир, который существовал параллельно моему, но по другим законам. Там не было рекламы. Не было новостей. Не было политиков, обещающих светлое будущее. Там была только жизнь — чистая, жестокая, эффективная.

Клетка — совершенная система.

Я говорю это не как биолог — я говорю это как программист. За тридцать лет работы с кодом я не видел ничего более элегантного, чем клеточный цикл. Ни одной лишней строчки. Ни одного бага, который бы не был исправлен эволюцией. Ни одного непонятого фрагмента, о котором кто-то сказал бы «это legacy, не трогай, работает — и ладно». Всё отлажено до наносекунды, до одной молекулы. Каждая деталь на своём месте. Каждая функция выполняется тогда, когда нужно, и не выполняется, когда не нужно. Нет лишних движений, нет лишних затрат энергии, нет лишнего времени. Элегантность — это когда невозможно убрать ничего, не сломав всё. Клетка элегантна.

Она рождается. Работает. Выполняет функцию. А когда перестаёт — умирает. Не потому что кто-то злой её убивает. Не потому что мир несправедлив. А потому что организм не может позволить себе кормить балласт. Каждая клетка знает своё место и своё время. И когда время выходит, когда она больше не может выполнять свою функцию, когда она становится обузой для целого, она не цепляется за жизнь. Не ищет лекарства. Не молит о чуде. Она включает механизм самоуничтожения.

Апоптоз. Программируемая клеточная смерть.

Это слово стало моей навязчивой идеей. Я произносил его шёпотом по ночам, когда не мог уснуть. Апоптоз. Оно звучит как приговор. Как название антиутопии. Как последнее слово, которое слышит клетка перед тем, как исчезнуть навсегда. От греческого «апоптозис» — «опадание листьев». Осень. Лист отрывается от ветки, падает, гниёт, становится перегноем. Нет трагедии. Нет насилия. Просто цикл. Время года. Этап развития. Закон природы.

Дефектная клетка получает сигнал — извне или изнутри. Запускается каскад биохимических реакций, отлаженный эволюцией до совершенства. Ядро конденсируется — хроматин сжимается в плотные комки, как будто клетка сама упаковывает свои воспоминания перед уходом. Цитоплазма сжимается — клетка уменьшается в объёме, становится плотнее, компактнее. Мембрана пузырится — на её поверхности появляются выпячивания, будто клетка пытается обняться на прощание. И потом она распадается на аккуратные фрагменты, которые тут же пожирают соседние клетки — не из жестокости, а из необходимости. Переработка. Вторичное использование. Никакого мусора. Никакого воспаления. Никаких следов. Дефектная клетка исчезает, не оставляя следа. Организм даже не замечает потери. На месте мёртвой клетки через несколько часов уже новая — молодая, здоровая, полная сил.

Я смотрел в микроскоп часами. Наблюдал, как здоровые клетки заменяют больные. Как старые уступают место новым. Как организм безжалостно и эффективно отсекает то, что ему мешает. Это было красиво. Это было правильно. Это было то, чего так не хватало человеческому обществу.

И я думал: где апоптоз у человечества?

Где механизм, который отсеивает дефектные единицы? Которые не работают, не думают, не создают, не развиваются, а только потребляют ресурсы, созданные другими. Которые тянут нас назад, замедляют эволюцию, мешают движению вперёд. Которые изобрели колесо, паровой двигатель, электричество, интернет, вакцины, квантовую физику и полёты в космос, а теперь не могут сделать шаг, потому что их нога увязает в болоте чужой глупости, чужой лени, чужой веры в то, что кто-то решит все проблемы за них.

Нет такого механизма. Мы отключили естественный отбор. Мы отменили правило «выживает сильнейший» — и заменили его правилом «выживает любой». Мы позволяем выживать всем — даже тем, кто не заслужил, даже тем, кто не пытался, даже тем, кто сделал мир хуже своим присутствием. Мы кормим балласт. Мы лечим неизлечимых. Мы спасаем тех, кто тянет нас на дно. И называем это гуманизмом. Человечностью. Прогрессом.

Я закрыл микроскоп. Открыл ноутбук.

Тогда я не знал, что клетки бывают не только под микроскопом. Тогда я не знал, что апоптоз нельзя программировать вручную — потому что тот, кто программирует, сам становится частью системы. Тогда я не знал, что, создавая Ауру, я создаю не скальпель, а судьбу. Не операционную, а трибунал. Не лекарство, а яд.

Теперь знаю. И поздно что-либо менять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.